

Ю.В. Балакшина

«Авторская исповедь»: к истории названия и жанра

Из предисловия к первому изданию «Авторской исповеди» в томе «Сочинения Гоголя, найденные после его смерти» (1855) известно, что этот текст был найден в уцелевших от сожжения бумагах покойного писателя и озаглавлен С.П. Шевыревым при подготовке его к публикации. Шевырев, выбирая название для гоголевского текста, ограничился жанровым определением «исповедь», подчеркнув специфику найденной «исповеди» дефиницией «авторская». Вопрос о жанровой природе текста оказался изначально связан с проблемой его наименования.

Однако история текста «Авторской исповеди» показывает, что от момента написания до момента печатной канонизации в 1855 году и жанр, и название, и даже статус «Авторской исповеди» как самостоятельного текста постоянно менялись. На основании как ранее известных гоголеведению, так и впервые привлекаемых к этому сюжету документов, нам представляется возможным выделить в истории существования текста «Авторской исповеди» пять периодов, напрямую связанных с жанровой идентификацией этого текста.

Первый период – прижизненный. Текст, написанный Гоголем в 1847 г., в его письмах получил наименование «повести моего писательства» (письмо П.А. Плетневу от 29 мая (10 июня) 1847 г.) или «книжечки», что подчеркивало контрастное единство нового текста с «книгой» «Выбранных мест». В самом тексте «Авторской исповеди» также неоднократно звучало жанровое определение «повесть»: «повесть моего авторства», «чистосердечная повесть», что дало основание П.В. Михеду говорить о художественной природе этого гоголевского произведения¹.

Гоголь отказался от издания своей «повести», однако не уничтожил ее. Публичная жизнь будущей «Авторской исповеди» началась только после смерти ее создателя в 1852 г. Второй период в истории этого текста связан с его существованием в «материнском лоне» «Выбранных мест». Действительно, в списках бумаг Гоголя, составленных сразу после его смерти А.П. Толстым и С.П. Шевыревым, как будто не фигурирует документ, который может быть идентифицирован как будущая «Авторская исповедь». Этот факт позволил П.Г. Паламарчуку высказать предположение, что «рукопись еще до кончины Гоголя была передана им одному из друзей – возможно, тому же Шевыреву»². Мы полагаем, что рукопись, не имевшая заглавия, при беглом осмотре не была опознана как самостоятельный текст и попала в описях в раздел «Выбранные места из переписки с друзьями» как «предисловие» (А.П. Толстой) или «новые прибавления к ним» (С.П. Шевырев)³.

На третьей стадии пристальное изучение так называемых «прибавлений» к «Переписке с друзьями» приводит Шевырева к необходимости выделить будущую «Авторскую исповедь» из разрозненных рукописей как самостоятельное явление. Первым документом, свидетельствующим о появлении на свет сокрытого до времени произведения Гоголя, становится письмо С.П. Шевырева редактору «Журнала МНП» К.С. Сербиновичу от 10 июня 1852 года. Шевырев, оправдываясь в неприсылке продолжения педагогических чтений, сообщает: «В это же самое время выздоровления и экзаменов, свободные часы должен я был посвятить разбору бумаг, оставшихся после покойного Н.В. Гоголя. Нашлись: весьма замечательная его внутренняя автобиография, как автора, дополнение к его "Переписке с друзьями"; размышления о Божественной литургии, теплые, живые, умильные, обнаруживающие его христианский дух и его преданность Церкви и Государю, пять черновых тетрадей 2-го тома "Мертвых душ", забытые им вероятно, печальный остаток, уцелевший нечаянно от аутодафе»⁴.

Таким образом, период обретения текстовой самостоятельности связан с именем и жанром «внутренней автобиографии». Под этим именем «Авторская исповедь» фигурировала в литературных кругах до ноября – декабря 1852 г., до того момента, когда Шевырев, отчаявшись получить разрешение на официальную публикацию, решил санкционировать ее распространение в списках⁵. Так, неизвестный автор в своем письме из Москвы в Петербург от 6 ноября 1852 г., сообщает: «Из сочинений Гоголя уцелело: три неполных черновые главы второго тома “Мертвых душ”, его автобиография и объяснение литургии. <...> О Биографии ничего обстоятельно неизвестно. Кажется, однако ж, что это-то “Прощальная повесть”, о которой он упоминает в “Переписке с друзьями”. <...> От Елагина я узнал, что Автобиография Гоголя находится у Шевырева. Он не дает никому списывать»⁶.

Четвертый этап в судьбе «Авторской исповеди» связан с ее распространением в списках, которое началось, по-видимому, в начале 1853 года. В подавляющем большинстве списков новое произведение Гоголя уже имело название «Авторская исповедь». Письмо К.С. Аксакова племяннику Гоголя Н.П. Трушковскому, обнаруженное нами в рукописном отделе Института литературы АН Украины им. Т.Шевченко, позволяет пролить свет на роль семейства Аксаковых в присвоении тексту Гоголя именно этого наименования. В письме, датированном нами июнем-июлем 1855 года, Константин Аксаков сообщает Николаю Трушковскому ответы своего отца на ряд вопросов, касающихся издания сочинений Гоголя, найденных после его смерти. Обсуждается название тома в целом, возможная цена на него, наличие виньетки при 2-ом томе «Мертвых душ», содержание вступления к тому и т.д. Под пятым пунктом в списке обсуждаемых вопросов значится: «Название Авторская Исповедь, - оставить. Нужно сделать примечание, что эта рукопись найдена без названия; но в одном из писем Гоголь к О.М. (отцу Матвею), которое содержит в себе мысли, заключающиеся в этой рукописи, Гоголь сам называет эти мысли: исповедью в писательстве»⁷.

В контексте этого письма по-иному звучит и упоминание «авторской исповеди» в письме С.Т. Аксакова С.П. Шевыреву от 19 ноября 1852 года, где данное словосочетание написано со строчной буквы и без кавычек: «Благодарю вас, почтеннейший Степан Петрович, за сообщение мне авторской исповеди Гоголя. Вы сами можете себе представить, что я чувствовал, когда слушал ее!»⁸. Возможно, именно С.Т. Аксаков предложил жанровое определение нового гоголевского текста, ставшее его заглавием.

Подчеркнем, что для Аксаковых «исповедь» - это в первую очередь, жанр церковный, связанный с событийным оформлением таинства покаяния или с исповеданием веры. Неслучайно выбор заглавия в письме К.С. Аксакова мотивируется через сходство «Авторской исповеди» с письмом Гоголя к о. Матфею Константиновскому от 12 января (н.с.) 1848 г., как бы моделирующим форму церковной исповеди. Гоголь называет о. Матфея «самим Богом данный мне исповедник»; воспринимает его слово не как частное, человеческое, а как данное Богом: «Я верю, что вы молились обо мне и просили у Бога вразумленья сказать мне то, что для меня нужно...». Сразу после «исповеди писательства» в письме следует перечисление традиционных аскетических грехов («бездна себялюбия», «неуменье пожертвовать земным небесному», «гордость», «малодушие, суеверия, боязнь») и резюме: «И вот вам моя исповедь уже не в писательстве» (XIV, 39-41). Вероятно, неслучайно и в заглавии ряда списков определение «авторская» отсутствует, и текст Гоголя фигурирует просто как «исповедь».

Последняя, пятая, стадия в истории текста «Авторской исповеди» связана с его публикацией в томе «Сочинения Гоголя, найденные после его смерти» (цензурное разрешение получено 26 июля 1855 года). Заглавие «Авторская исповедь» закрепляется за текстом, но Трушковский со ссылкой на Шевырева предлагает существенно иную, чем Аксаковы, мотивировку этого заглавия. В предисловии к тому об «Авторской исповеди» говорится: «Последняя не имела названия, но как сам Автор несколько раз говорил о ней, что это *чистосердеч-*

ная моя повесть, повесть моего Авторства, то С.П. Шевырев и решился ее назвать «Авторскою Исповедью». Используя жанровые определения самого Гоголя, Шевырев подчеркивает, что «Авторская исповедь» не столько церковный, сколько литературно-публицистический и философский жанр, связанный с самописанием и публичным обнаружением своей авторской ипостаси.

Таким образом, мы наблюдаем процесс эволюции жанрового статуса «Авторской исповеди», включающий пять жанровых определений: «повесть», часть «Выбранных мест...» («межтекстовое единство»), автобиография, исповедь как церковный и исповедь как литературный жанр. Нам представляется, что жанровый статус «Авторской исповеди» напрямую связан с той формой, которую на разных этапах существования текста обретает контакт между автором и аудиторией.

На первой стадии, когда Гоголь называет свой текст «повестью», он стремится, как справедливо пишет Михед, «дать целостную легенду своего авторства»⁹, построить так свой образ, чтобы убедить читателя в своем праве на тон и содержание «Выбранных мест». Однако, отказываясь от публикации своей «книжечки», Гоголь, тем самым, отказывается от задачи смоделировать читательское восприятие своего авторского и человеческого «я» («оправдаться перед светом») и позволяет выявиться в тексте иным смысловым и жанровым тенденциям.

Неудивительно, что первые читатели «Авторской исповеди», ближайšie друзья Гоголя А.П. Толстой и С.П. Шевырев, увидели во вновь найденном тексте часть «Выбранных мест из переписки с друзьями»: название этой книги фигурировало в первом же предложении незаглавленной рукописи: «Все согласны в том, что еще ни одна книга не произвела столько разнообразных толков, как Выбранные места из переписки с друзьями» (VIII, 432). Вероятно, друзья Гоголя отреагировали не только на внешнюю форму найденного текста, но и на склонность позднего Гоголя дописывать, переписывать, комментировать собст-

венные тексты (вспомним две редакции «Портрета», пояснения к «Ревизора» и т.д.). Это напрямую выразил А.П. Толстой, описывая уцелевшие от сожжения бумаги в письме С.П. Апраксиной: «Множество писем и Предисловие, одним словом, новое издание, пересмотренное и дополненное, Переписки с друзьями». Интересно, что интуиция друзей Гоголя коррелирует с попытками современных литературоведов осмыслить «Выбранные места» и «Авторскую исповедь» как некую «уникальную межтекстовую целостность». П.В. Михед называет эти два текста «дилогией»¹⁰; С.А. Гончаров – «Книгой творений Гоголя, прообраз которой можно обнаружить в средневековой культуре»¹¹.

Следующий этап в истории «Авторской исповеди», когда образованная Россия узнала об этом тексте, но еще не узнала самого текста, характеризуется жанровым определением «внутренняя автобиография». Автобиография, как отмечает М.М. Бахтин, является той «ближайшей трансгредиентной формой, в которой я могу объективировать себя самого и свою жизнь художественно»¹². Однако степень художественности автобиографии значительно меньше, чем, например, повести. С другой стороны, существует глубокое историческое различие между «самоотчетом-исповедью», образец которой Бахтин находил у блаж. Августина, и автобиографией, как жанром, возникшим только в раннем Возрождении. Задача автобиографии – выделить, осмыслить, описать собственную индивидуальность в историческом пространстве-времени. Тогда как в самоотчете-исповеди «биографическое целое жизни со всеми событиями не довлеет себе и не является ценностью»¹³. Исповедь свершается перед лицом Бога; автобиография пишется для современников и потомков.

После смерти Гоголя «Авторская исповедь» ожидается читателями и осознается Шевыревым как текст, подводящий итоги всей жизни писателя, выстраивающий его целостный образ, но исходя уже не из конкретной ситуации, сложившейся вокруг «Выбранных мест», а из контекста всей прожитой жизни художника и человека. Завершенная жизнь сложилась как целое и требует био-

графического осмысления и оформления. Отсюда трансформация «повести» в «автобиографию».

Читательская рецепция текста «Авторской исповеди», связанная с ее распространением в списках, привносит иное жанровое определение – «исповедь». Характерна реакция на этот текст старшего Аксакова: «Я нашел в ней полный ответ на каждое слово моих укорительных писем... но прошедшего не воротить»¹⁴. Слишком живо, слишком больно, чтобы воспринять текст сугубо эстетически. Ощущение боли, источником которой вольно или невольно оказывался каждый, не подавший «руку изнемогшему духом» (VIII, 467), передавалось, видимо, не только ближайшим друзьям Гоголя. Об этом свидетельствует характер многих списков, в которых встречаются подчеркивания, дополнения, смысловые опiski и ошибки. О восприятии текста не как художественной, а, скорее как экзистенциальной реальности говорит, например, запись в дневнике А.В. Никитенко, который услышал «Авторскую исповедь» в чтении кн. Д.А. Оболенского: «В "Исповеди" Гоголя господствует религиозное настроение, не исключаяющее, однако, других чувств: оно и благородно и скромно»¹⁵. В пределе «Авторская исповедь» Гоголя воспринималась как поступок, «который, - по выражению Бахтина, - мы не должны ни воспроизводить, ни художественно созерцать, но на который должны реагировать своим ответным поступком». И единственным ответом на поступок исповеди может быть молитва о прощении и отпущении грехов исповедующегося.

Безусловно, что эффект живого прикосновения к страдающей и безвременно угасшей жизни, который возникал в ситуации переписывания рукописи, с увеличением временной дистанции и появлением печатного текста должен был угаснуть. Возможно, мотивируя наименование «Авторской исповеди» изнутри литературного, а не религиозного ряда, Шевырев имел в виду сугубо практические соображения (например, не желание раздражать почитателей Гоголя упоминанием имени о. Матфея), однако он весьма точно отразил процесс посте-

пенной эстетизации исповеди Гоголя в читательском сознании. В конечном итоге, «Исповедь» опять стала синонимом «повести», литературным жанром, провоцирующим читателя на эстетическое восприятие и (или) литературоведческий анализ.

Таким образом, история жанровой идентификации «Авторской исповеди» продемонстрировала внутреннюю сложность гоголевского текста, рожденного в диалоге церковной и светской культур, возникшего на грани покаянного самоотчета перед Богом, автобиографического выстраивания собственного образа в глазах читателей и попытки проникнуть в мистический смысл собственной судьбы. В заключении отметим, что и на настоящем этапе читательское восприятие «Авторской исповеди» располагается в поле динамичного напряжения между двумя полюсами: полного доверия и человеческого сочувствия и отстраненного аналитического восприятия текста как эстетически самоценной повествовательной игры.

¹ *Михед П.В.* Место «Авторской исповеди» в творческой судьбе Гоголя // Гоголевский сборник. СПб., 1994. С. 154-158

² *Паламарчук П.Г.* Список уцелевших от сожжения рукописей Гоголя // Гоголь: история и современность. М., 1985. С.488.

³ Там же. С.489, 490.

⁴ РО ИРЛИ «Пушкинский дом». Ф. 46. Ед. хр. 15. Л. 9об.-10.

⁵ См. об этом: *Балакшина Ю.В.* С.П. Шевырев, Аксаковы и история распространения «Авторской исповеди» в списках // Восьмые Гоголевские чтения. Н.В. Гоголь и его литературное окружение. М., 2009. С. 92-98.

⁶ Гоголь в неизданной переписке современников // Литературное Наследство. Т. 58. М., 1952. С. 768.

⁷ РО Института литературы АН Украины им. Т.Шевченко. Ф.17. Ед.хр.128.

⁸ РО РНБ. Ф. 850. Д. 108. Л.18-19.

⁹ *Михед П.В.* Указ. соч. С. 155.

¹⁰ *Михед П.В.* указ. соч. С. 155.

¹¹ *Гончаров С.А.* Творчество Н.В. Гоголя и традиции учительной культуры. СПб., 1992. С. 131.

¹² Бахтин М.М. Автор и герой в эстетической деятельности // Бахтин М.М. Автор и герой. К философским основам гуманитарных наук. СПб., 2000. С. 171.

¹³ Там же. С. 168

¹⁴ РО РНБ. Ф. 850. Оп. 1. Д. 108. Л. 18-19.

¹⁵ *Никитенко А.В.* Дневник. В 3 т. Т. 1. М.; Л., 1955. С. 362.